

Эта роль в исторической дораме, к тому же в жанре сянься, требовала от каждого персонажа особого, возвышенного облика. А уж Жун Цзин, игравший главного злодея — роль невероятно сложную, — выглядел и вовсе ослепительно и роскошно. Ведь этот антагонист был самым могущественным во всей истории, и до того момента, как главные герои раскрывали его истинное лицо, он неизменно предстал в образе благородного господина.

Сейчас Жун Цзин должен был сыграть сцену, в которой злодей проявляет заботу о второстепенной героине, тем самым завоевывая её сердце.

— Почему ты так неосторожна? Как мне теперь быть спокойным за тебя? — Жун Цзин опустил на корточки, достал из-за пазухи платок и отер слезы с лица Нин Цяньюнь. Затем он повернулся к ней спиной, и его голос, мягкий и пронизанный бесконечной нежностью, произнес: — Залезай, я отнесу тебя.

Нин Цяньюнь, всхлипывая, забралась ему на спину, но уголки её губ тронула счастливая улыбка:

— Тот, кого любит младший наставник, должно быть, невероятно счастлива.

— Разумеется. Но чтобы увидеть ту, кого люблю я, тебе придется подождать. По крайней мере, сейчас... еще никто не заставил меня добровольно положить свое сердце к её ногам, — Жун Цзин слегка улыбнулся. В этот миг его лукавство сменилось мягкостью, и вся показная роскошь словно отступила. — Управление мечом — это не то, что ты делаешь, тебе следует...

Возможно, прежний владелец этого тела и не смог бы сыграть эту роль хорошо, но Жун Цзин был способен довести её до совершенства. Стоило лишь правильно подобрать эмоции, и этот злодей стал бы любимцем публики. Такой противоречивый и упрямый человек: внешне столь хрупкий и жаждущий понимания, а внутри — гордый, прячущий всё глубоко в душе. И поэтому в конце, когда сердце разрывалось от боли, он, даже желая уничтожить этот мир, всё равно выбирал самопожертвование.

Сменив внутреннее содержание, Жун Цзин полностью завладел пространством. Нин Цяньюнь, еще совсем новичок в актерском мастерстве, мгновенно померкла на его фоне. Хотя в кадре их было двое, зрители видели только Жун Цзина, а Нин Цяньюнь оказалась полностью в тени. Эта сцена по замыслу должна была быть теплой, но из-за того, что Жун Цзин время от времени оглядывался, а выражение его лица едва уловимо менялось, в ней появилась нотка печали. Казалось, это тепло — лишь прекрасный мыльный пузырь, который лопнет от одного прикосновения, оставив после себя лишь бесконечное отчаяние и горечь.

— Отлично! Снято! — режиссер Линь резко взмахнул рукой, не сводя восторженного взгляда с Жун Цзина. — Вот это и есть Ван Чэньюань!

Ван Чэньюань — так звали главного злодея в сериале Изменение Небес, хотя, по мнению Жун Цзина, имя было чересчур вычурным. Впрочем, раз автору нравится, он не станет глупить и высказывать свое мнение. Тем более что такое имя в этой истории действительно звучало как пророчество: желание забыть истоки бренного мира, но неспособность разорвать узы, что в

итоге приводит к полному забвению — к окончательной смерти.

— Режиссер Линь, вы мне льстите! — Жун Цзин опустил Нин Цяньюнь на землю, и его лицо вновь озарила прежняя яркая, дерзкая улыбка. — Я ведь Жун Цзин, было бы странно, если бы я не справился!

Нин Цяньюнь смотрела на этого мужчину, улыбающегося так открыто и непринужденно, и её сердце внезапно дрогнуло. Жун Цзин... кажется, он совсем не такой плохой, как она себе представляла. Столь чистая и ясная улыбка — редкость даже в университете, не говоря уже о шоу-бизнесе, где все привыкли идти по головам.

Жун Цзин незаметно скользнул взглядом по Нин Цяньюнь и вдруг одарил её чарующей, лукавой улыбкой:

— В следующей сцене я обязательно закончу всё быстро!

Если бы это сказал прежний владелец тела, это вызвало бы у главной героини лишь еще большее отвращение. Но после того, как он блеснул своей искренней улыбкой, взгляд актрисы смягчился — она смотрела на него, будто на капризного ребенка. Впрочем, прежний владелец и был таким капризным ребенком, с той лишь разницей, что проявлял свою детскую непосредственность только перед теми, кому доверял, и только когда рядом не было посторонних.

Видя, как на него смотрит Нин Цяньюнь, Жун Цзин с показной гордостью задрал подбородок. Слова, которые он произнес, были настолько нелепыми, что Нин Цяньюнь лишь сильнее рассмеялась:

— Женщина, только не вздумай влюбиться в меня из-за того, что я слишком хорош собой. Я всё равно никогда тебя не полюблю!

— Да-да, конечно, куда уж мне, простой девушке, до такого блистательного короля Жун Тяня, — ответила Нин Цяньюнь, хотя её слова звучали бы убедительнее, если бы она при этом не смеялась. Жун Цзин недовольно фыркнул и зашагал прочь, но со стороны это выглядело так, будто он в спешке бежит от смущения.

Следующей была сцена смерти Ван Чэньюаня. Главную роль играл Лин Юй, а его партнершей — очень известная актриса первого эшелона. Нин Цяньюнь же играла второстепенную героиню, которая любила Ван Чэньюаня до беспамятства, но при этом свято чтит законы справедливости.

После команды Мотор! выражение лица Жун Цзина изменилось. В уголках его глаз заиграла бесконечная томность, а на губах застыла легкая, едва заметная усмешка, в которой читалось ровно столько зла, сколько нужно — ни больше ни меньше, чтобы не выглядеть фальшиво. В этот миг он стал самим Ван Чэньюанем.

— Младший наставник?! — когда главные герои с отрядом ворвались в маленький дворик, Нин Цяньюнь первой вскрикнула, не в силах принять тот факт, что человек, которого она уважала и втайне любила, оказался тем самым демоном, которого все ненавидят.

— Младший наставник? — услышав это, Жун Цзин искоса взглянул на неё с полуулыбкой. Его былое величие никуда не делось, но нежность исчезла без следа. Всё вокруг осталось прежним, а вот люди — уже нет. И эта сцена повторялась бесчисленное количество раз, но сегодня он не улыбнулся привычной беспомощной улыбкой, не было того снисходительного А опять ты шалишь. Осталась лишь пугающая острота.

— ...Ван Чэньюань, — с трудом выдавила из себя главная героиня. Эти три слова отняли у неё почти все силы, и лицо девушки заметно побледнело.

— Да, я здесь, — равнодушно ответил Жун Цзин и перевел взгляд на неё. Неизвестно, что он увидел, но лень в его глазах рассеялась, сменившись глубокой, непроглядной тьмой. Однако эмоция вспыхнула и тут же погасла, прежде чем кто-либо успел её заметить, и он снова стал прежним — ленивым и отстраненным. Хотя он сидел, а главные герои стояли, и им приходилось смотреть на него сверху вниз, казалось, что это он восседает на троне, взирая на копошащихся у его ног муравьев.

В тот момент, когда никто не обращал внимания, камера сфокусировалась на Жун Цзине. Лин Юй почувствовал неладное, но тут же изобразил праведный гнев и холодно выкрикнул:

— Ван Чэньюань, сколько же людей ты погубил! Не думай, что мы тебя пощадим!

— Пощадите? — Жун Цзин рассмеялся, словно услышал невероятно смешную шутку. Он хохотал до слез, не в силах остановиться. Когда же смех наконец стих, он поднялся и пошел навстречу героям. Те, словно по сговору, отступили на шаг, а Лин Юй даже прикрыл собой партнершу. Даже Нин Цяньюнь, которая, по сценарию, любила его, сделала шаг назад.

Увидев это, Жун Цзин насмешливо и холодно улыбнулся. Его голос был мягким, но слова звучали почти ядовито:

— Муравьи возомнили, что могут пошатнуть дерево. Как же это смешно. — Неизвестно, о чем он подумал, но его улыбка стала еще глубже. — В этом мире только я решаю, жить мне или умереть. А вы... кто вы такие?

С неба посыпались лепестки груши, кружась, словно снег. Лицо Жун Цзина размылось в этом цветочном вихре — он был прекрасен до предела, но в этой красоте сквозило бесконечное одиночество. Последние слова, которые он произнес, были завуалированным признанием, пронизанным заботой, и адресовались они Нин Цяньюнь:

— Только дураки не умеют управлять мечом.

— Снято! — режиссер Линь теперь буквально светился, и его взгляд, острый, как лазер, заставил Жун Цзина отступить на шаг. Тот тут же спохватился, сделал вид, что ничего не

произошло, и задрал подбородок, глядя на всех свысока. Но те, кто заметил, как он отступил, лишь понимающе улыбнулись, и их взгляды стали еще мягче.

Иногда показать свою слабость, дать людям увидеть твою мягкую сторону — это вызывает гораздо больше симпатии, чем постоянная демонстрация силы.

— Жун Цзин, отлично сработано! — Лин Юй быстро подошел к нему, обнял и с чувством произнес: — Ты вырос.

Жун Цзин наклонил голову, улыбка не сходила с его лица, но он прошептал так, чтобы слышал только Лин Юй, нежно, словно любовник:

— Как же тяжело тебе было вычищать всю эту отраву вокруг меня... — в следующее мгновение он оттолкнул Лин Юя и, сощутив глаза, улыбнулся, как ребенок, ждущий похвалы: — Я не мог сыграть плохо, ведь это то, что ты хотел увидеть.

Бросив эту фразу, он подбежал к Нин Цяньюнь и принялся проявлять заботу с видом невероятно важного человека, словно говоря: Я вижу, как ты жалка, поэтому так уж и быть, окажу тебе милость. Но когда эти глаза, в которых светилось легкое заискивание, смотрели на неё, она понимала, что он — всего лишь ребенок.

Нин Цяньюнь не стала ничего говорить и с улыбкой наблюдала, как Жун Цзин неуклюже пытается ей помочь, прикрываясь маской безразличия. По сравнению с ненавязчивой и доброй заботой Лин Юя, эта неловкая манера Жун Цзина трогала гораздо сильнее. Человеческая психология странна: если то же самое делает взрослый, это не вызовет особых чувств, но если ребенок — это вызывает жалость и благодарность. Жун Цзин хоть и был взрослым по возрасту, в душе оставался ребенком, порой до такой степени, что это вызывало лишь беспомощную улыбку.

Дальнейшие съемки Жун Цзина и Нин Цяньюнь почти не касались, поэтому он просто утащил её в сторонку грызть семечки и болтать. Даже в своих исторических костюмах они смотрелись вместе как идеальная пара — прекрасные, словно сошедшие с картинки юноша и девушка.

Лин Юй с нежностью и снисходительностью посмотрел на Жун Цзина и вернулся к работе. У главного героя всегда больше сцен, чем у злодея, он не мог позволить себе такую роскошь, как отдых.

Жун Цзин даже не смотрел на съемки, продолжая весело болтать с Нин Цяньюнь о всякой всячине. Лишь когда Лин Юй закончил, он с неохотой попрощался с девушкой и пошел следом за ним. Раньше они всегда были вместе, и хотя не жили под одной крышей, были соседями. Теперь же, ради выполнения задания, он ничего не собирался менять.

— А-Цзин, что с тобой? Раньше тебе совсем не нравились такие девушки, как Нин Цяньюнь... — спросил Лин Юй, когда они сели в машину, с тревогой глядя на Жун Цзина.

Жун Цзин без всякого стеснения повалился на колени Лин Юя и пробормотал с закрытыми глазами:

— Ты сам сказал — раньше... — он поднял руку, откинул упавшие на шею волосы, и его голос внезапно стал тише: — Так устал. Каждый день притворяться другим человеком — это так бессмысленно. Даже когда болеешь, приходится делать вид, что всё в порядке... М-м? — Лин Юй внезапно прикрыл ему рот рукой, и Жун Цзин был вынужден открыть глаза.

Лин Юй едва не хлопнул себя по лбу:

— А-Цзин, здесь можно сказать, но не болтай об этом где попало. Тебе же хуже будет.

Жун Цзин отвел взгляд и тихо ответил:

— Я знаю, что ты хочешь меня защитить... Но в любом случае спасибо тебе.

Дальше наступило долгое молчание. Когда машина остановилась у виллы Жун Цзина, он улыбнулся и помахал на прощание:

— Хорошо отдохни!

<http://bllate.org/book/21691/2237229>